

Узналъ походную тревогу;
 И кто, что хочет, говори,
 А я, какъ демонъ безобразный,
 Въ поту, усталый и въ пыли,
 Мочилъ нерѣдко сухари
 Въ водѣ болотистой и грязной
 И, помолившись потомъ,
 На камнѣ спалъ покойнымъ сномъ!..
 А вы, бифштексы и котлеты,
 Домашней кухни суета,
 Какіе лестные привѣты
 Я вамъ выдумывалъ тогда!
 Съ какимъ живымъ воспоминаньемъ,
 Съ какимъ чудеснымъ обоняньемъ
 Передъ собой воображалъ!
 Я васъ не рѣзавши глоталъ
 Безъ огурцовъ и крессъ-салата...
 А на повѣрку, наконецъ,
 Увы, хотъ съѣлъ бы огурецъ, —
 Да нѣтъ ихъ въ ранцѣ у солдата!

.

 Уже осталось за нами
 Довольно русскихъ крѣпостей,
 Въ которыхъ рядомъ съ кунаками
 Живутъ семейства егерей,
 Или, скажу яснѣе, — роты
 Линейной егерской пѣхоты
 Изъ сорокъ третьяго полка.
 Ужъ наши воины слегка
 Болтать учились по-чеченски,
 Какъ встарь учились по-нѣмецки,
 И восхищались отъ души
 (Таковъ обычай русской рати),
 Когда случилось имъ кстати
 Сказать: «*яманъ*» или «*якши*».
 Уже Тарутинцы успѣли
 Подробно нашимъ рассказать,
 Притомъ прибавить и пригдять,
 Какъ въ Турціи они терпѣли
 Отъ пуль и ядеръ и чумы,
 Какъ воевали подъ Аджаромъ,
 И, былъ украшивая съ жаромъ,